

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschlands Social and Political Review in Russian Language. Germany Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Verlag „Possev“, Limburg/Lahn, Deutschland.
Условия подписки: 5 ном. — 3 НМ 10 — 6 НМ и т. д.
Условия приема объявлений: 1/16 — 60 НМ, 1/8 — 100 НМ, 1/4 — 180 НМ, 1/2 — 350 НМ, 1 стр. — 700 НМ
Bankkonto: Limburger Bank V 14. Postscheckkonto: Frankfurt-M 33 461.

Еженедельник общественной и политической мысли

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже **70 пфен.**

VI ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 МАРТА 1950 г.

№ 12 (199)

РОССИЯ И США

Г. Андреев

США по праву играют в настоящее время первую роль в мире, не подвластном Коминформу. Во всеобщем разброде они — единственный достаточно мощный материально и сильный духовно противник и противовес — не России и ее народам, а тоталитарному СССР с его коммунистическим правительством. Поэтому понятен наш интерес к США.

В военное и послевоенное время США приняли ряд ошибочных решений, укрепивших коммунизм и воспринятых нами с огорчением, а иногда и с негодованием. Нам приходится и сейчас не мало возмущаться, видя медлительность и неповоротливость США в принятии жизненно важных для всех народов, отражающих их от коммунизма решений. Однако, мы можем констатировать, что так или иначе, а США все же постепенно переходят на более твердый путь борьбы, и что в основе этого лежат здоровые чувства.

Российская и американская нации внешне во многом разнятся друг от друга. Это различие объясняется разным жизненным ощущением, чем определяется и их разное отношение к смыслу и значению человеческой деятельности. Для россиянина неприемлемо то, что подра-

зумевается под «американизмом» и «американской деловитостью», обеспечивающими материально - техническое богатство и благополучие США, но не оставляющими человеку времени для «заботы о душе», для духовной жизни, — между тем жизнь, лишенная возможности созерцательного углубления в нее, для россиянина в значительной мере теряет ценность. В этом, кстати, одна из причин краха советской попытки «американизировать» наш народ.

Наша созерцательность, конечно, не есть «русская лень» или «обломовщина»: обломовы вряд ли за 200 лет сумели бы создать Империю от Балтийского моря до Тихого Океана и вряд ли в последние десятилетия перед Первой мировой войной развивали бы свое хозяйство «американскими», по тому времени темпами. Уже эти два факта никак не вяжутся с примитивно представляемой «русской ленью» и свидетельствуют о нашей деловитости и трудолюбии, однако, по характеру отличающихся от американских — вероятно тем, что эти качества никогда не были для нас самоцелью.

Для США они долго оставались самоцелью, но, очевидно, лишь внешне. Внутреннее содержание американского народа, — это приходится предполагать даже вопреки «официальной» философии США (Джон Дьюи), — было другим. В этом нас убеждает проснувшаяся в США в последние десятилетия тяга к духовному творчеству, отражающаяся в первую очередь в поднявшейся на уровень передовой в мире американской литературе. В ней, как и в нашей классической литературе XIX и начала XX веков, звучат хорошо знакомые нам темы: неудовлетворенности, жажды к совершенствованию и — человечности. В новое время по-новому американская литература проникнута той же теплотой и любовью к человеку, которыми была проникнута и наша большая лите-

ратура. И еще — в ней так же непобедимо звучит утверждение жизни, оптимизм, — не плоский «американский оптимизм», воплощенный в обязательной улыбке и в «счастливом конце» кинокартин, а подлинный, конечно-утверждающий нас и побеждающий глубокий трагизм жизни. Эти черты американской литературы убеждают нас в том, что корни ее, уходящие в духовные недра американского народа, одинаковы нашим, — а это стирает внешнюю разницу между нами и обнаруживает наше духовное родство в решающем — в высокой человечности чувств обоих народов.

Другими роднящими нас качествами является способность к широте, к мысли и действию в больших масштабах, как и к смелости выполнения широко задуманных задач. Правда, большевизм использовал эти способности россиян для своих целей, но при другом направлении они могут быть благотворными для мира. Способность к широте основана на ощущении себя «всечеловеком», «гражданином мира», а не только своей родины — патриотизм россиянина и изоляционизм американца не мешают им чувствовать свою всечеловечность.

Мы полагаем, что не ошибемся сказав, что перечисленные качества — при всех совершенных и еще предстоящих в будущем ошибках, отклонениях и при искажении внешними проявлениями, — объясняют способность обоих народов в своей деятельности к соединению разума с сердечной теплотой, твердости, смелости и мужества с человечностью, силы и храбрости — с великодушием. Способность к этому — удел больших и сильных народов, не боящихся за свое существование и готовых помочь другим.

Только обладая такими качествами США могли принять решение о помощи Европе по плану Маршалла и оказать в широких размерах помощь другим народам; только поэтому они могут отстаивать ООН от разрушения коммунистами, организовывать оборону мира, а во внутренних делах проводить политику Нью-Дила, широких социальных пре-

В номере:

**В. Зимовьев
США И ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ**

**Жак Сорель
СТАЛИНГРАД**

**Г. Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ**

образований к т. д. Многие из этого еще отягощено и другими побуждениями и принимается «вынужденно», но одни коммунисты могут видеть в этом только «капиталистическую» или «империалистическую» политику США: мы видим в них так же необходимые, требующиеся временем решения, как и ответы на преступную коммунистическую деятельность, ответы продиктованные в том числе и человечностью чувств американского народа.

Это обеспечивает наши симпатии к США, что, впрочем, не означает, что мы и впредь не будем резко критиковать их политику за очередные ошибки, очевидно неизбежные при сложности современного положения и при несовершенстве существующего управления. Но не критикуют только врага — с ним борются. Наша критика, как и наши симпатии, основаны на желании помочь положению, что вытекает и из нашего стремления к сотрудничеству и содружеству народов, и из чувств удовлетворения, когда мы видим осуществление этого стремления в конкретных решениях. Это и определяет в данное время наше отношение к США.

Народам России и США нечего делить и не из-за чего ссориться. Наоборот, крепкая дружба между ними, молодыми и сильными народами, проникнутыми в глубине души одним чувством, способна обеспечить миру порядок и спокойное существование. Мешает этому одно: стоящее между обоими народами коммунистическое правительство СССР. Убрать это препятствие опять-таки может дружба и взаимопомощь обоих народов. Если в политике США по отношению к России будут лежать чувства, отмеченные нами выше, одинаковые чувствам народов России, и политика США не отклонится от них, мы убеждены, что необходимая дружба будет в

конце концов уставовлева. А это, в свою очередь, освободит мир от основной опасности, от коммунистической угрозы, и позволит ему заняться решением других задач.

„Принципиальная“ критика и „социалистический“ реализм

Недавно происходил в Москве XII пленум Союза советских писателей. Основным вопросом на повестке дня, помимо вопроса о детской литературе и организационных вопросах, о которых уже сообщалось, была критика критиков.

Доклад по этому пункту повестки дня сделал генеральный секретарь А. Фадеев. После внимательного ознакомления с этим докладом приходится прийти к выводу, что задача, стоящая перед критиками, весьма тяжела. Критикам прежде всего предъявляется обвинение в отсутствии принципиальности. Ответа же на вопрос о том, как принципиальность критики совместить с постоянными окриками партийного начальства, докладчик, конечно, не дает, хотя чуть ли не накануне пленума подобный конфуз произошел с критиком романа Катаева «За власть советов» М. Кузнецовым. Нечто подобное было с критиками, и весьма именитыми, пьес «Карьера Бекетова» и «Огненная река». Сначала они пьесы хвалили, а после партийного окрика изругали. При этом даже не покраснели. Поостереглись чтобы не заметили.

Времена Белинского сейчас недостижимы. И атмосфера партийного террора в области духовной жизни действует разлагающе на писателей и критиков. Притупляет в них чувство долга и ответственности перед народом. Когда в нашей литературе было возможно явление, чтобы осведомителя охраны принимали как равного в писательском кругу? А

сейчас бывший, а может быть и сегодняшний, сексот НКВД Ажаев прочно вошел в ряды «инженеров душ», введен в правление союза писателей! И получил «сталинскую премию» за воспевание концлагеря. Концлагерная тема, впрочем, наиболее соответствует именно «сталинской» премии. И безнадежно требовать от литературных критиков принципиальности в их творчестве, если она отсутствует в их среде, в их повседневной жизни.

Еще одним коньком пленума был так называемый «социалистический реализм». Фадеев и все выступавшие в прениях сетовали, что никак не могут дать четкое определение этому понятию, и что этим самым «неопределенным» социалистическим реализмом наши писатели не могут овладеть. И вряд ли овладеют. Ибо «социалистический реализм» это требование искренней лжи. А наши писатели хотя и лгут, но очень не многие из них лгут искренне.

Расцвета же наша литература (и наша критика) — расцвета, которого взывали на пленуме, — достигнет только тогда, когда она будет правдива, когда она будет отражать подлинную духовную жизнь народа, когда она будет показывать живых, реальных людей. А сможет она это делать, когда будет свободна наша страна от диктатуры большевизма, от диктатуры вообще.

Е. Р.

ПОПРАВКА

В статье Е. Романова «Проголосовать против большевизма!» («Посев» № 11) допущена грубая опечатка. На стр. 1, в 3 колонке сверху, следует читать: «которое обуславливает полную невозможность выдвижения кандидата...» и т. д., по тексту.

**«Посев» в Берлине
МОЖНО ВСЕГДА КУПИТЬ
В ГАЗЕТНОМ КИОСКЕ НА
Kurfürstendamm Ecke Joachimstalerstr.**

Мысли о российских эмиграциях V. А. И. Герцен

А. Трушнович

Герцен родился в знаменитом 1812 году. Он принадлежал к тому поколению, которое было «вскормлено рассказами отцов». В декабрьские дни 1825 г. ему было 13 лет. Дети в таком возрасте способны к тонким наблюдениям и к оценке событий, которые сохраняют часто на всю жизнь в памяти. Герцен уже сознательно переживает крушение мечтаний и чаяний Александровской эпохи. Александр I постепенно погружается в туман мистико-депрессивного состояния и власть захватывает в свои руки временщик, предтеча большевиков — Аракчеев. Русское Возрождение коче-

неет, творческий огонь медленно тухнет. В кружках, состоящих из узкого круга лиц одного «горения», рождается русская культура XIX века, и вместе с ней протест против крепостного права и самовластного бесправия. В 1834 г. он и его друзья арестовываются и отправляются в ссылку. Ссылку он переживает душевно тяжело, но он материально полностью обеспечен и может заниматься литературой. Горячий ум, критически недисциплинированный, скажет словами в стиле нашего времени: «Вот бы ему сталинскую ссылку! Занимался бы он литературой на Колыме». Мы с ним согласны: самый темный период любого царского абсолютизма не может

выдержать сравнения со сталинским. Если вне исторического времени сравнивать оба режима, то сталинский безмерно хуже николаевского. Это однако не исключает факта осуждения последнего передовыми людьми и крепостным крестьянством, переживавшим в исторической категории того времени положение своей родины не менее тяжело, чем последующие поколения в гораздо более страшном периоде, но в другой исторической категории. Одна из главных причин тяжести переживаний тогдашнего поколения лежит в технической отсталости охранительных мер режима. Всякий абсолютизм может держаться только при наличии двух условий: герметическом закрытии границ и собственной (режима) идеологии, пропагандно закрепленной. Мысли Запада, в виде его социальных, философских и др. учений и течений проникали в Россию в неизменном виде и из первоис-

Политические заметки

Борьба за Германию

Обширен фронт холодной войны. И не всегда можно сказать, какой участок ее важнее других. Борьба за контроль над атомной энергией все еще продолжает оставаться в центре всеобщего внимания, и так оно будет еще долго, так как видимых путей для решения этого спора нет, да при существующих отношениях и быть не может. А решиться на что-то нужно. Этому настойчиво требует общественное мнение. Это диктуется и всей создавшейся обстановкой. Особенных надежд ни у кого нет, но тем больше всяких проектов. К сожалению, они почти все сводятся к тому, чтобы «как-то с большевиками договориться». Как договорятся, никто толком не знает. Точнее, никто, собственно, в возможность договориться не верит. Но мысль все время вертится в ограниченном кругу и не может из него выбраться. Новых идей как-то не появляется, даже у политических деятелей такого стиля, как Черчилль.

Но из всех планов, сводящихся в том, чтобы «как-то договориться», наиболее любопытным является тот, с которым выступил недавно американский сенатор Бриен Макмагон. Предложение его сводится, как известно, к тому, чтобы обсуждение вопроса об атомном контроле поставить на очередной или чрезвычайной сессии ООН, но самую сессию эту провести в Москве, с тем, чтобы имеющиеся там были дебаты «могли быть слышны в каждом уголке земного шара, а, главное, на всем пространстве между Ленинградом и Владивостоком».

Хорошо сказал Макмагон. Не со-

всем только для нас ясно, серьезно ли он говорил или в шутку, с задней, так сказать, мыслью. Что значит провести сессию ООН в Москве? Если это значит, что в Москву, вместе с многочисленными делегатами ООН, придут еще более многочисленные корреспонденты со всех «уголков земного шара» и не только придут, но и захотят познакомиться со всеми достижениями советской власти, — вплоть до «исправительных трудовых» лагерей, скажем, — если это значит также, что все дебаты, — все, а не только витийствования товарищей Вышинского или Громыки, — должны будут передаваться советскими радиостанциями «от Ленинграда и до Владивостока», то неужели сенатор Макмагон серьезно думает, что «люди в Кремле» на это согласятся? Но внутреннее убеждение нам подсказывает, что он сам в это не верит. Ибо сам же он оговорился, — и в этом настоящий смысл его предложения, — что «если кремлевские власти не согласятся на сессию ООН в их стране (сессия ООН при условии ее проведения в этой стране не может быть проведена в этой стране), то мы должны пойти на компромисс, а иначе к чему и весь этот сыр-бор городить. — Н. Гр.), то весь свободный мир узнает истинную причину такого отказа».

*

Совершенно то же можно сказать и о вызвавшем столь много разговоров и комментариев предложении Верховного Комиссара, Джона Макклоя о всеобщих выборах в Германии. 28 февраля Макклой, выступая на прессконферен-

ции во Франкфурте, четко и ясно изложил американскую точку зрения на вопрос о национально-политическом объединении Германии. Америка, сказал он, всецело поддерживает вполне законное и естественное стремление германского народа к единству. Но объединение Германии должно осуществляться в демократических формах, в результате свободного волеизъявления народа, а не путем насильственного внедрения тоталитарного режима. И Макклой рекомендует провести этой осенью выборы во всей Германии, следовательно, и в советской зоне, но при обязательном соблюдении таких условий: полного равноправия всех партий, при выдвижении кандидатур, — в разработке программ и в предвыборной агитации; полной свободы политической деятельности и действительной гарантии свободной подачи голосов для всех избирателей; одинакового для всех партий права и фактической возможности пользоваться средствами информации — радио, прессой и т. д.

В условиях, предложенных Макклоем, нет ничего особенного. Все это совершенно обычно в любой демократической стране. Но все это совершенно неприемлемо в стране, где господствует тоталитарный режим. И предложение американского Верховного Комиссара, как и следовало этого ожидать, не только было взято в штыки всеми органами пропаганды советской зоны Германии, но и послужило им поводом для самой резкой и грубой брани, как по адресу «американского империализма», так и лично Макклоя. Брань — плохой аргумент. Но в данном

случае она все же доказывает то, что нужно было доказать: как далеки одно от другого два понимания демократии, даже в пределах одной и той же страны. Географические категории, которыми кое-кто привык мыслить, определенно теряют свою силу.

Предложение Макклоя о свободных общегерманских выборах и реакция на это со стороны тех, к кому оно было обращено, это — небольшой, хоть и очень характерный эпизод в непрекращающейся борьбе за Германию, составляющей один из самых серьезных участков Холодной войны. Наступающей стороной здесь, как и вконец, остаются большевики. Они продолжают лихорадочно работать над созданием ударной армии для этого наступления, в виде так называемого «Национального Фронта». Это новое, усовершенствованное издание «Национального Конгресса». И приходится удивляться, как, несмотря ни на что, — несмотря на царящий в Восточной Германии полицейско-террористический режим, несмотря на скудные нормы снабжения, на общий хозяйственный застой, несмотря даже на линию Нейса — Одера, на положение немецких военнопленных в Советском Союзе, и многое другое, — каким-то, хотя бы чисто внешне, образом этот Национальный Фронт может возникнуть. Это — и есть дальнейшая попытка сопротивления насильно и упорно навязываемой пропаганде, и специфически местная, десятилетиями и веками воспитанная наклонность к слепому повиновению.

Но как бы то ни было, германские большевики носят сейчас с планом очередного пропагандного трюка если не очень большого стиля, то большого размера. Это предположенный этой Троицей по-

точников. Казенный суррогат «идеологии» не мог выдержать сравнения с живыми и эволюционно зрелыми идеями, возникшими в век Пушкина, декабристов и кружков. Государственная церковь старалась религиозно-идеологически оправдать режим, вопреки евангельской правде, воспринятой народом. Надо полагать, что, согласно непреложным историческим законам, нарушение этих двух условий большевиками — первого в силу исторических событий, независимых от «плановой мудрости» отдельных лиц и партий, а второго, благодаря духовной бедности собственной «идеологии», основанной на тирании, приведут к тому же результату — к крушению крепостного режима.

Герцен по пустяшному поводу попадает вторично в ссылку. Ссылка довольно своеобразная. Он назначается на пост начальника отделения в управление губернатора в Новгороде. Герцен в

удушающем царстве бюрократии, «нравственного душегубства» задыхается, хиреет. Его жена, от полученного во время ареста потрясения преждевременно рождает и больше уж полностью не поправляется. Связи отца выручают его в довольно непродолжительный срок. Начинается тот период его жизни, в который сложилось его мировоззрение и его характер. Период чрезвычайно богатый и блестящий. В кружках Станкевича, Елагина и др. кипела тогда культурная жизнь рвущейся к свету русской интеллигенции. В них были Белинский, Грановский, Чаадаев, Бакунин, Боткин, Катков и сам Герцен. Рядом с ними — Хомяков, Киреевский, Аксаков, Самарин. Какие имена и какие люди! «Вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод.» Кружки западников и славянофилов резко разошлись, но какие странные это были тогда враги: «... и нет этих про-

тивников, которые были ближе нам многих своих». «И мы смотрели в разные стороны... в то время как сердце билось одно». Это сердце была — Россия.

Эмиграция Герцена чрезвычайно своеобразна и для нас интересна. Она полна внутренних конфликтов. Оправдать ее полностью, исторически и нравственно, очень трудно. На путях такому оправданию стоят и Пушкин и Александр II. Какие побуждения заставили Герцена покинуть Россию? Герцен со своим бурным и бескомпромиссным характером ни при каких условиях не мог приспособиться к режиму духовного гнета. Такой человек мог жить и творить только в свободной стране. Он своим инстинктом чуял, что предстоит третья ссылка и, вместе с нею, духовная и нравственная гибель. Жестокий и бессмысленный поступок правительства с кружком Петрашевского, в том числе и с До-